

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.А. Бронзов

**«Отпевание»
графа Толстого**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1913. № 2. С. 239-251.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

„Отпѣваніе“ графа Толстого.

ОТЛУЧЕННЫЙ отъ общенія съ православною христіанскою Церковію яснополянскій богохульникъ былъ зарытъ въ землю такъ, какъ и самъ того хотѣлъ, т. е., какъ «падаль»,—и дѣлу—конецъ! Никакихъ «церковныхъ» церемоній естественно не было.

Правда, неразумные «поклонники» еретика и циника волновались, шумѣли, требовали непременно «церковныхъ» похоронъ своего кумира, доходили до угрозъ, обѣщая и сами покинуть Церковь,... но изъ ихъ «гевалта», разумѣется, не вышло ничего.

Искусственно волновали общество въ первую и во вторую годовщину по смерти графа, взвинчивали настроеніе публики разныя жидовскія и жидовствующія изданія и безбожно-мыслящія лица..., но и здѣсь въ конечномъ итогѣ подобныхъ стараній и усилій получился все тотъ же нуль.

Но вотъ явилось сначала краткое газетное сообщеніе о томъ, что въ Ясную Поляну пріѣхалъ какой-то священникъ, который-де и совершилъ отпѣваніе скончавшагося больше двухъ лѣтъ назадъ Толстого. Первое впечатлѣніе отъ этого сообщенія было, навѣрное, у всѣхъ одно и то же. Газетная утка!.. Вотъ—что, конечно, подумалъ всякій...,—подумалъ... и затѣмъ забылъ о газетномъ вздорѣ.

Однако, потомъ было напечатано въ газетахъ уже письмо вдовы Толстого, не оставлявшее сомнѣнія въ томъ, что кощунственное и сверхъ-странное «отпѣваніе» было не мифъ, а фактъ. «При отпѣваніи», пишетъ вдова, «насъ было четверо... Священникъ... заявилъ» де, «что его давно мучаетъ мысль, что такой... человѣкъ, какъ» покойный графъ, «глу-

боко вѣровавшій въ Христа и Бога, лежитъ... не отпѣтый»,— и вотъ онъ отпѣлъ его... «По собственному своему, внушенному Богомъ, побужденію явился... порядочный священникъ, который безкорыстно совершилъ святой обрядъ... Горячая молитва надъ усопшимъ не можетъ»-де «быть ничѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ любви и христіанскаго всепрощенія... Священникъ мнѣ радостно заявилъ, что теперь Левъ Николаевичъ не еретикъ, я отпустилъ ему грѣхи... Неужели»,—спрашиваетъ вдова, — «считать молитву церковную, искреннюю и горячую, за озорство, недомысліе или злой умыселъ?.. Левъ Николаевичъ»,—продолжаетъ она,—«ни разу передъ смертью не выразилъ желанія не быть отпѣтымъ»... «А раньше писалъ:... если можно, то (хоронить) безъ священниковъ и отпѣванія. Но, если это будетъ непріятно тѣмъ, кто будетъ хоронить, то пускай хоронятъ, какъ обыкновенно»... Толстой называется «великимъ христіаниномъ». О немъ говорится, что онъ «уважалъ всякую вѣру въ Бога, въ какихъ бы формахъ она ни выражалась»..., и т. д.

Итакъ, «отпѣваніе» произошло... Спрашивается: какъ на него смотрѣть,—какую цѣну оно имѣетъ,—какой его дѣйствительный смыслъ?..

По даннымъ вопросамъ уже кое-кто высказывался печатно, напр., достопочтенный о. прот. Н. Г. Дроздовъ и др. А сегодня (5-го января), когда пишу эти строки, я получилъ № 2-й «Русскаго Слова» (отъ 3-го янв. 1913 г.), гдѣ напечатана статья А. В. Карташова «Молитва о Толстомъ». Къ номеру газеты приложено и любезное письмо автора статьи... Видимо, дѣло еще интересуется и волнуетъ многихъ¹⁾. Просить и меня, въ частности, высказаться по нему..., что и выполню съ большимъ удовольствіемъ.

Но предварительно скажу два-три слова по поводу нѣкоторыхъ мѣстъ изъ письма вдовы графа Толстого. Это необходимо сдѣлать для того, чтобы обликъ яснополянскаго «отпѣтаго» покойника вырисовался съ достаточною рельефностью и чтобы, благодаря тому, всѣ, интересующіе насъ, вопросы могли быть рѣшены болѣе правильно и всесторонне.

Согласно письму вдовы Толстого, онъ «уважалъ всякую вѣру..., въ какихъ бы формахъ она ни проявлялась» (а),—

¹⁾ Въ промежутокъ времени до 15 января, когда читаю корректуру, газеты (напр., „Новое Время“ и друг.) не разъ возвращались къ этому вопросу, что весьма характерно...

былъ «великій христіанинъ» и «глубоко вѣровалъ въ Христа и Бога» (б),—противъ будущаго «отпѣванія» его особенно не возражалъ или, въ крайнемъ случаѣ, былъ въ данномъ отношеніи безразличенъ (в). Согласно тому же письму, священникъ явился по Божію «внушенію» (г) и былъ «порядочнымъ» (д), — его молитва о графѣ являлась лишь «выраженіемъ любви и христіанскаго всепрощенія» (е), а не «озорствомъ», не «недомыслиемъ», не «злымъ умысломъ» (ж),—священникъ-де «отпустилъ» умершему графу «грѣхи», вслѣдствіе чего послѣдній-де пересталъ быть и «еретикомъ»... (з).

а. Какъ «уважалъ» Толстой православную вѣру въ Бога, можно видѣть, напр., изъ его «отвѣта на опредѣленіе синода»..., гдѣ читаемъ: «ученіе церкви есть... коварная и вредная ложь..., собраніе самыхъ грубыхъ суевѣрій и колдовства»; догматъ о воплощеніи есть-де «кощунственная исторія»; «всѣ таинства» — это-де «низменное, грубое... колдовство», — при чемъ графъ всячески глумится надъ ними и въ особенности надъ святѣйшимъ таинствомъ Евхаристіи.. (см. «*Полное собран. сочиненій Толстого*»; Спб. 1907 г.; книгоиздат. «*Ясная Поляна*»; т. 2-й, стр. 714 — 721)... Загляните еще хотя бы въ толстовское «*Возстановленіе ада*», гдѣ ученіе православной Церкви называется не Христовымъ, а «дьявольскимъ» (т. I, стр. 6),— гдѣ надъ Церковью «уважающей всякую вѣру» графъ глумится такъ, что этому дѣйствительно могъ бы позавидовать самъ Веельзевулъ (стр. 7 и друг.)...

б. Какой «великій христіанинъ» былъ Толстой и какъ «глубоко вѣровалъ» онъ «въ Христа и Бога»,—это уже документально было раскрыто мною на страницахъ «*Христіанскаго Чтенія*» въ статьѣ: «*Другъ или врагъ Христовъ—Толстой*» (1912 г., мартъ—апрѣль). Оттуда всякій можетъ видѣть, что Толстой считаетъ Бога безличнымъ, отвергаетъ ученіе о «Троичности Лиць»...,—о Богѣ, какъ «Творцѣ» міра и человѣка; утверждаетъ, что Иисусъ Христосъ—простой человѣкъ, что никакого особаго рожденія Его не было, что Господь стоитъ на одной линіи съ Магометомъ, Буддой; отрицаетъ евангельскія чудеса, глумясь попутно надъ Богоматерью; «уважающей всякую вѣру» графъ называетъ христіанскаго Бога «злымъ, мстительнымъ», а вѣрующихъ въ Него «душевно-больными»; объ Иисусѣ Христѣ постоянно говоритъ сверхъ-цинично и кощунственно,—свидѣтелей Его воскресенія деликатно называетъ «лжецами» и обманщиками, а по отношенію къ Воскресшему

ставить вопросъ: «для чего было воскресать, чтобы только сдѣлать и сказать всѣ эти глупости»; «вознесеніе» Господне называетъ «сказкой»; Св. Духа отрицаетъ; не признаетъ христіанскаго ученія о будущей жизни, называя его «низменнымъ, жестокимъ»... и т. д. Этотъ «великій христіанинъ», — какъ подтверждено было мною ссылками на его сочиненія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, — отвергалъ въ христіанствѣ все, что только дѣлаетъ христіанство христіанствомъ: этотъ «глубоко вѣровавшій во Христа и Бога» графъ въ дѣйствительности былъ типичнѣйшимъ антихристомъ, врагомъ Христовымъ, воплощеніемъ невѣрія въ Него, — воплощеніемъ отрицанія и Бога, потому что о какомъ же Богѣ можетъ быть въ сущности рѣчь у нантеиста, да еще Толстовской окраски?..

в. Вдова Толстого, видимо, незнакома съ сочиненіями своего мужа. Дѣлая вышеприведенную выдержку изъ его дневника отъ 1895 г. объ отпѣваніи, она игнорируетъ то, что говоритъ Толстой, напр., въ его цитованномъ уже «отвѣтѣ» Св. Синоду, помѣченномъ «4-мъ» числомъ «апрѣля 1901 г.» «Я», — говоритъ здѣсь этотъ «великій христіанинъ» (!!!), — «дѣйствительно отрекся отъ Церкви... и написалъ въ завѣщаніи своимъ близкимъ, чтобы они, когда я буду умирать, не допускали» (!) «ко мнѣ церковныхъ служителей» (т. е. священниковъ православныхъ...), «и мертвое мое тѣло убрали бы поскорѣй, безъ всякихъ надъ нимъ заклинаній»... (разумѣется чинъ православно-христіанскаго погребенія, такъ аттестуемый «уважающимъ всякую вѣру» графомъ), «какъ убираютъ всякую противную и ненужную вещь, чтобы она не мѣшала живымъ» (стр. 716)... Не ясно ли отсюда все? Самъ отрекшійся отъ Церкви, отъ христіанства графъ желалъ, чтобы его «убрали» по смерти «поскорѣе... какъ убираютъ всякую противную вещь»... Ну, его и убрали... Церковнаго отпѣванія, согласно его желанію (о другой, болѣе существенной, причинѣ пока не говоримъ), не было. О чемъ же болѣе и толковать? Можно было бы шумѣть, кажется, въ противоположномъ лишь случаѣ, т. е., еслибъ воля Толстого, столь категорически высказанная имъ, оказалась неисполненною... Но на «толстофиловъ» не угодилъ бы и самъ яснополянскій духовный и тѣлесный «мертвецъ»...

г. Во-истину комично заявленіе вдовы Толстого, что пресловутый священникъ явился по «Божію внушенію»... Чѣмъ могло-бъ быть вызвано такое внушеніе? Непонятно... безу-

словно. Жилъ человѣкъ, богохульствовалъ... даже хуже, чѣмъ сами демоны, которые все же *«въруютъ и трепещутъ»* (Іак. 2, 19),—а Толстой не только не вѣровалъ, но еще и глумился надъ Богомъ, надъ Господомъ нашимъ...; своимъ безбожіемъ соблазнилъ и погубилъ множество человѣческихъ душъ; явился ео ipso ревностнымъ помощникомъ Веельзевула, преслѣдующаго тѣ же цѣли; умеръ... и больше двухъ лѣтъ лежитъ въ ямѣ... (не въ могилѣ, конечно!). И вдругъ «Божіе внушеніе»!... Да какой въ немъ могъ бы быть смыслъ? И какъ могъ бы внушать «пантеистическій» Богъ, безличный?... Да,—если и было здѣсь чье-либо внушеніе, то единственно лишь Веельзевула, желавшаго произвести смуту, волненія..., хотѣвшаго испробовать еще одну хотя бы попытку при помощи трупа Толстого, который такъ энергично помогалъ, при своей жизни, адскимъ силамъ въ ихъ борьбѣ съ ненавистнымъ имъ христіанствомъ. А чтобъ Богъ сталъ внушать такую явно нелѣпую вещь, этого не допустить, разумѣется, никто, сколько-нибудь способный разобраться въ обстоятельствахъ дѣла...

д. Еслибъ этотъ преступный священникъ былъ дѣйствительно «порядочнымъ», то онъ и поступилъ бы такъ, какъ поступаютъ люди «порядочные». Прежде всего не сталъ бы дѣйствовать изъ-за угла, какъ школьникъ, боящійся головной боли отъ учителя за озорство. А ему, видите ли, хотѣлось и отличиться въ глазахъ безбожной «интеллигенціи», и укрыться отъ заслуженнаго имъ наказанія со стороны церковной власти. Такъ «порядочные» люди не дѣлаютъ, а христіанскіе священники тѣмъ болѣе. И я лично увѣренъ скорѣе въ томъ, что здѣсь фигурировалъ не священникъ, а какой-либо самозванецъ, тѣмъ болѣе, что, по нынѣшнимъ временамъ, достать «облаченіе» и пр. и пр., право же, не такъ ужъ хитро... Во-вторыхъ, порядочный священникъ постарался бы дать отчетъ себѣ въ томъ, что онъ дѣлаетъ... А «этотъ» субъектъ умѣлъ только «давно мучиться», что Толстой «лежитъ не отпѣтый». Другая сторона дѣла, что графъ и отрицалъ христіанство, и христіанскую Церковь, и всячески надъ ними глумился, издѣвался, не жалѣя ни словъ, ни извощичьихъ выраженій..., этому господину «порядочному» почему-то въ голову не приходила. Ему не приходило въ голову, что онъ—какъ-ни-какъ—вѣдь христіанскій священникъ, что христіанское ученіе для него все же имѣетъ, должно имѣть извѣстную обязательную силу... Ему, однако, до христіанства, до Христа никакого дѣла въ дѣй-

ствительности не было. Плюютъ на Христа, называютъ Его позорнѣйшими именами, низводятъ Его на степень простого человѣка, глумятся надъ Его Пречистой Матерью, Его ученіе приравниваютъ къ «дѣвольскому» и т. д.,—со всѣмъ этимъ «порядочный» священникъ примиряется, молчитъ. А вотъ богохульникъ—представитель Веельзевула на землѣ—лишенъ церковнаго (отрицаемаго имъ же самимъ) отпѣванія... Ну, развѣ можно смотрѣть на это спокойно? Развѣ это не должно всѣхъ «мучить»?... Нѣтъ, это не «священникъ» и не «порядочный»... Въ лучшемъ случаѣ это—сумасшедшій человѣкъ, который не зналъ, что дѣлалъ... Да.

е. Его молитва была,—видите ли,—«выраженіемъ любви и христіанскаго всепрощенія»... Скажите, пожалуйста!... Но о «любви» его,—я думаю,—можно было бы говорить тогда лишь, когда онъ попытался бы вразумить *живого* графа, *живого* вернуть на путь истины... Однако, богохульства *живого* Толстого онъ спокойно терпѣлъ, не «мучился». Любовь ко Христу, какая должна же быть,—предполагается,—въ «порядочномъ» священникѣ, въ немъ спала и не толкала его на защиту Господа... Хоть бы на минуту пришелъ ему въ голову вопросъ: а ужели у Св. Синода не было этой любви? Не Святѣйшій ли Синодъ, напротивъ, вынужденный къ данному печальному акту, «молился, да подастъ ему»—графу—«Господь покаяніе»..., да «помилуетъ и обратитъ его ко святой Церкви»... (чит. «*Опредѣл. Св. Синода отъ 20—22 февр. 1901 г. о графѣ Л. Толстомъ*»; цитов. т. 2-й, стр. 722)? И, однако, во избѣжаніе соблазна отъ ученія Толстого и проч., любвеобильный и долготерпѣливѣйшій Св. Синодъ, наконецъ, нашелъ только одинъ выходъ: отлученіе графа... Какая, однако, гордыня у этого священника, если правильно о немъ пишетъ вдова графа?! Ему, видите ли, присуща любовь, а Св. Синоду—нѣтъ! Онъ только одинъ—этотъ «порядочный» священникъ возвысился лишь до христіанской любви, до «всепрощенія»...,—однако, на чужой счетъ. Оскорблены—Господь, Его святая Церковь..., оплеваны, поруганы, смѣшаны съ грязью...,—а «порядочный» священникъ говоритъ: ну, что-жъ? Я прощаю... Вѣдь «не меня» же оскорбили.. Но интересно было бы знать, что запѣлъ бы этотъ господинъ, еслибъ за его «безчинное» дѣяніе его лишили и мѣста, и сана? Нашлась бы у него любовь? Нашлось бы всепрощеніе? Не думаю. У него пока нашлось только іезуитское мужество шумѣть изъ-за угла,

благодѣтельствовать на чужой счетъ и не принадлежащими ему деньгами. Никакой любви, никакого всепрощенія онъ не проявилъ, а только одно... хулиганство...

ж. Да, все дѣяніе этого господина (трудно назвать его священникомъ)—сплошное «озорство», сплошь «злой умыселъ» и въ лучшемъ случаѣ—«недомысліе». Если онъ не вѣдалъ, что творилъ, въ этомъ еще есть нѣчто для него извинительное. Однако, и невѣдѣніемъ отговариваться онъ не могъ, имѣя въ виду опредѣленіе Св. Синода, для него—священника—безусловно авторитетное... И, во всякомъ случаѣ, въ виду этого опредѣленія онъ долженъ былъ сначала семь разъ отмѣрять и потомъ уже рѣзать. И такъ, остается одно «озорство», одинъ лишь «злой умыселъ». Поступлю-де на-перекоръ Св. Синоду! Пусть-де знаютъ меня... Къ сожалѣнію, такіе озорники существуютъ. Одинъ изъ нихъ, оскорбленный въ своемъ бѣсовскомъ самолюбіи, которому «властью» были поставлены естественно границы, совсѣмъ-совсѣмъ недавно отрекся и отъ православія, и отъ вѣры въ Божій промыслъ... И это священникъ—«іеромонахъ»!... Одно слово: озорники! Злоумышленники!

з. Этотъ озорникъ «отпустилъ» Толстому «грѣхи»..., и графъ отнынѣ-де уже не «еретикъ». Но, во-первыхъ, ясно-полянской мертвецъ былъ не еретикъ, а язычникъ и даже хуже язычника. Какой же онъ «еретикъ», когда отрицалъ въ христіанствѣ *все* христіанское?... Язычника же отпѣвать по-христіански было-бы, кажется, болѣе, чѣмъ странно. Не странно ли было бѣ, еслибъ магометанскій мулла явился и «отпѣлъ» по-мусульмански челоуѣка, издѣвавшася, при жизни, надъ Магометомъ и надъ магометанствомъ вообще? Такого муллу всѣ назвали-бы безумнымъ, сумасшедшимъ..., и никто не возразилъ бы и словечка. Христіанскій священникъ имѣетъ право «отпускать грѣхи» только лицу, принадлежащему къ «христіанской» же Церкви, да и то, какъ увидимъ ниже, не во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ,—но никакъ не язычнику, какимъ умеръ графъ Толстой. Это должно быть ясно, кажется, всякому.

Во-вторыхъ, совершенно резонно въ данномъ случаѣ рассуждаетъ А. В. Карташевъ. «Священство»,—говоритъ онъ,—«органъ Церкви, а не личная духовная власть». Посему «совершаемая священствомъ дѣйствія лишь постольку имѣютъ силу и смыслъ, поскольку совершаются отъ лица Церкви, съ

ея вѣдома и благословенія»... «Совершенство» священникомъ «тайнства или какого-нибудь молитвеннаго акта безъ вѣдома епископа и Церкви лишаетъ его дѣйствія всякаго ...значенія и приравниваетъ ихъ къ частнымъ, личнымъ поступкамъ иерархическихъ» дѣятелей... «Въ Церкви нѣтъ права у отдѣльныхъ священниковъ, вопреки общей волѣ іерархической власти, раздавать освятительныя цѣнности по своему усмотрѣнію». Несомнѣнная истина—та, что «нѣтъ никакой возможности похитить благодать церковную обходными, неканоническими путями..., ни самовольнымъ священнодѣйствіемъ хотя бы очень искренняго и идеалистическаго священника»... Православное «священство, въ силу своей порядочности, т. е., церковной лойяльности, и мысли не можетъ допустить о какихъ-либо не разрѣшенныхъ Церковью священнодѣйствіяхъ». Вдова Толстого можетъ думать иначе просто по своему богословскому невѣжеству. Да, притомъ, ее сбиль съ толку и этотъ «просто глуной священникъ», который совершенно «обьюродѣлъ въ богословскомъ разумѣ»...

Все это—хорошія разсужденія А. В. Карташева. Разумно и высказываемое имъ положеніе, что «невозможно и нелѣпо было бы Церкви совершать свой чинъ погребенія и панихидъ надъ Толстымъ, потому что этотъ чинъ написанъ для... сыновъ Церкви... Церковь права въ своемъ отказѣ»...

Но онъ желалъ бы, чтобъ Церковь «создала чинъ моленій о религіозно-заблудившихся, о слѣпыхъ духовно, о соблазняющихся во Христѣ»,—«особый чинъ отпѣванія иновѣрцевъ»,—«особый чинъ молитвы за враговъ»... Тогда-де былъ-бы найденъ «исходъ религіозному томленію церковныхъ людей въ чрезвычайномъ случаѣ со смертію Толстого»...

Здѣсь я уже несогласенъ съ А. В. Карташевымъ.

И прежде всего—кто смущенъ тѣмъ обстоятельствомъ, что Толстой лишенъ христіанскаго отпѣванія? Не простой народъ, не истинно-православные люди. Нѣтъ. Всѣ они прекрасно понимаютъ, что безбожнику, отрицавшему въ христіанствѣ все христіанское, болѣе того: всячески глумившемуся надъ христіанствомъ, надъ Самимъ Христомъ..., не можетъ быть дано христіанскаго отпѣванія. И ни у кого изъ здраво-мыслящихъ православныхъ людей въ данномъ случаѣ не возникало и тѣни недоразумѣній. «Томилась» и «томится» въ сущности одна лишь пресловутая «интеллигенція»... Но вопросы чистаго христіанства для нея не имѣютъ значенія, если судить о нынѣшнихъ

интеллигентахъ не лицемѣрно, искренно, что въ современной литературѣ выяснено уже достаточно (напр., авторами «*Вѣкъ*», г. *Александровичемъ* и др.). И къ Толстому интеллигенція была равнодушна и даже иронизировала надъ нимъ (*Н. Михайловскій* и др.), пока онъ не возсталъ на православную Церковь. Въ его борьбѣ съ Церковію и заключается причина симпатій къ нему интеллигенціи, скорбящей о лишеніи его христіанскаго отпѣванія и ранѣе скорбѣвшей объ его отлученіи отъ общенія съ Церковію. Интеллигенція эта желала бы все передѣлать въ христіанствѣ по-своему. Не кричить ли она, что христіанство не удалось, устарѣло, отжило свой вѣкъ? Для нея въ сущности ничего святого нѣтъ. Сегодня прочь посты, завтра—прочь ученіе объ Иисусѣ Христѣ, какъ Богѣ, тамъ долой—христіанское ученіе о раѣ и адѣ и т. д. Ей хотѣлось бы, чтобъ христіанство было теплохладно и одинаково относилось и къ еретикамъ, и къ самоубійцамъ, и къ безбожникамъ..., во имя слашаваго и полезнаго гг. интеллигентамъ всепрощенія... Да вѣдь, если и сегодня, и завтра... дѣлать поблажки «томящейся» интеллигенціи, то что же останется отъ христіанства и что же, наконецъ, подумаютъ о Церкви истинновѣрующіе ея члены? Вотъ о нихъ-то прежде всего и слѣдуетъ подумать, а не о стгнившей или полустгнившей интеллигенціи, умѣющей только блюсти свое самолюбіе, обижаться, да обижать другихъ, называя ихъ,—разъ эти хотятъ остаться на чистой христіанской точкѣ зрѣнія и не желаютъ дѣлать непростительныхъ поблажекъ «вѣку сему»,—«мракобѣсами» и пр. Жаль интеллигенція *этой*..., но—увы!—вдохнуть жизнь въ трупъ и изъ-за заботъ о послѣднемъ забыть «живыхъ» членовъ Церкви..., право же, нельзя. *Эта* интеллигенція такъ дорожитъ христіанствомъ, что хлопочетъ объ освобожденіи школъ отъ религіознаго вліянія (даже на женскихъ сѣздахъ), съ утра до вечера ломится въ театры, боясь заглянуть въ храмы Божіи, паломничаетъ на могилу къ Коммиссаржевской, а не къ о. Іоанну,—смакуетъ «Саломей», «Черныхъ Вороновъ», «Жизни человѣка», «Саниныхъ», «Арцибашевыхъ», «Андреевыхъ», «Куприныхъ», «Вербицкихъ»..., а не Евангеліе Христово, не свято-отеческія творенія...

Что касается «созиданія» различнаго рода «чиновъ», проектируемыхъ А. В. Карташевымъ, то я въ принципѣ до извѣстной степени съ нимъ, пожалуй, болѣе или менѣе согласенъ. Но только рѣчь о нихъ къ настоящему случаю не подходитъ...

Живутъ среди насъ,—скажемъ,—иновѣрцы. Ведутъ себя добродушно, не обижаютъ другихъ, уважаютъ ихъ, помогаютъ другъ другу... Не принимаютъ христіанства, быть можетъ, потому, что миссіонеры не убѣдили ихъ, какъ слѣдовало бы, въ несравненной высотѣ Христова ученія... Но къ христіанству эти иновѣрцы относятся съ уваженіемъ, не издѣваются надъ нимъ... Они умираютъ... Здѣсь, конечно, могла бы возникнуть мысль у тѣхъ или иныхъ людей о «созданіи» чина въ родѣ проектируемаго А. В. Карташевымъ. Почему бы не помолиться особымъ чиномъ и о «слѣпцахъ духовныхъ»..? О «врагахъ» нашихъ излишне уже и говорить въ виду Матѳ. 5, 4... Все это такъ... Но только,—повторяю,—къ настоящему случаю съ Толстымъ всѣ подобныя разсужденія, предположенія..., подсказываемыя тому или иному человѣку самими добрыми его чувствами, касательства не имѣютъ и не могутъ имѣть.

Господь сказалъ: *«всякій грѣхъ и хула простятся человѣкамъ; а хула на Духа не простится человѣкамъ»* (Мѳ. 12, 31)... *«Если... кто скажетъ на Духа Святаго, не простится ему ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ»* (—32). *«Истинно говорю вамъ: будутъ прощены сынамъ человеческимъ всѣ грѣхи и хуленія, [какими бы ни хулили»* (Мрк. 3, 28). *«Но кто будетъ хулить Духа Святаго,—тому не будетъ прощенія во-вѣкъ; но подлежитъ онъ вѣчному осужденію»* (—29) (ср. Лук. 12, 10)... Апостоль Іоаннъ Богословъ говорить: *«если кто видитъ брата своего согрѣшающаго грѣхомъ не къ смерти, то пусть молится, и Богъ дастъ ему жизнь, то-есть, согрѣшающему грѣхомъ не къ смерти. Есть грѣхъ къ смерти: не о томъ говорю, чтобы онъ молился»* (1 Іоанн. 5, 16)...

Не новые какіе-либо «чины»... неволью приходятъ въ голову, когда думаю о графѣ Толстомъ, а только что приведенныя слова изъ Священнаго Писанія...

«Хула на Духа Святаго»... «Милосердія не бываетъ»,—говоритъ св. Иларій,—«когда Богъ отрицается во Христѣ»... «Духъ Святой вамъ», т. е., фарисеямъ, «извѣстенъ»,—говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, толкуя слова Господни, — «а вы не стыдитесь отвергать очевидную истину»... По словамъ св. Аѳанасія Великаго, тѣ, кто «хулятъ Духа Святаго, т. е. божество Христово, и говорятъ, что силою Веельзевула Онъ изгоняетъ бѣсовъ, тѣмъ не простится»... «Фарисеи вооружились

противъ яснѣйшаго откровенія божественнаго Св. Духа», — разсуждаетъ еп. Михайль, — «какъ Онъ», т. е., Св. Духъ, «являлъ Себя во Христѣ изгнаніемъ бѣсовъ», и оказались «въ открытой враждѣ противъ сего Духа до такой степени, что видимыя дѣйствія Его приписывали... сатанѣ»... (см. «Творенія св... I. Златоуста въ русск. перев.», — изд. СПБ. Д. Акад., — т. 7, СПБ. 1901 г., — толков. на св. Ев. Мѳ.; см. «Толковое Евангеліе» еп. Михаила, — кн. 1-я: толков. Ев. Мѳ.; кн. 2-я: толков. Ев. Мрк. и Лук...; см. «Толковую Библію» — при журн. «Странникъ», — т. 8-й, — СПБ. 1911 г.: «Ев. отъ Мѳ.» и мн. др.).

А кто всего болѣе повиненъ въ этой «хулѣ»? Безспорно, графъ Толстой, который сознательно, злобно, съ дьявольскимъ цинизмомъ и упорствомъ, подобно Геккелю, Саладину, Ницше..., совершенно «отрицаетъ Бога во Христѣ», считая Господа «простымъ человѣкомъ» — не больше, — глумится надъ евангельскими повѣствованіями о чудесахъ Христовыхъ, какъ яко бы «сказкахъ» — и только, въ данномъ случаѣ оставляя позади за собой даже самихъ фарисеевъ, которые чудесъ Господнихъ не отрицали, а лишь приписывали ихъ силѣ Веельзевуловой и ео ipso произносили хулу на Св. Духа, — издѣвается надъ Господомъ нашимъ, Котораго-де «высѣкли, повѣсили»... и Котораго онъ своимъ сатанински-злобнымъ языкомъ называетъ только «какимъ-то нищимъ», «что-то наговорившимъ»... (см. цитаты изъ графскихъ сочиненій въ цитов. моей статьѣ: «Другъ или врагъ» etc.), — смѣется надъ «воскресеніемъ» и «вознесеніемъ» Господнимъ, надъ сошествіемъ Св. Духа на Апостоловъ..., надъ переполненной «нелѣпостями», «мнимыми священными истинами» Библіей, надъ «исполненными погрѣшностей» св. Евангеліями..., надъ Церковію, какъ дѣломъ Веельзевуловымъ, и т. д. и т. д.

«Хула» графская не имѣетъ для себя ни оправданій, ни извиненій. Ему доступны были всѣ средства, чтобы постигнуть истину... Но онъ пользовался этими средствами (богословской литературой...) только съ тенденціозною цѣлью, чтобы отыскивать въ нихъ слабыя стороны при помощи нечистоплотныхъ и невѣжественныхъ пріемовъ, въ угоду своему дьявольскому себялюбію. Въ «опредѣленіи Св. Синода» ясно и вѣрно, конечно, сказано, что Толстой «сознательно и намѣренно отторгъ себя самъ отъ всякаго общенія съ Церковію православною»..., — что «бывшія... къ его вразумленію попытки» не

привели ни къ чему... (цитов. т. 2 *«Полн. собр. соч. Л. Т.»*, стр. 722)...

И всякій христіанинъ, чуждый лицемѣрія и фарисейства, долженъ сказать, что «хула... не простится Толстому никогда... и въ «будущемъ вѣкѣ». Долженъ сказать... Иначе онъ не будетъ христіаниномъ, чтущимъ слова Господни—ясныя слышкомъ и безусловно опредѣленные. И молиться намъ о хулителѣ Духа Святаго—это значило бы не уважать Христа, не быть христіаниномъ.

О «грѣхѣ къ смерти», какъ было сказано выше, слово Божіе запрещаетъ молиться. А «грѣхъ къ смерти»—это и есть прежде всего «хула на Духа Святаго, рѣшительное, сознательное и намѣренное отпаденіе отъ вѣры, особенно отъ вѣры въ воплощеніе Сына Божія» (см. *«Толков. Библ.»*; т. 10-й; СПб. 1912 г., стр. 339)... *«Всякій духъ, который не исповѣдуетъ Иисуса Христа, пришедшаго во плоти..., это—духъ антихриста»* (1 Иоанн. 4, 3). *«Кто лжеецъ, если не тотъ, кто отвергаетъ, что Иисусъ есть Христосъ? Это—антихристъ, отвергающій Отца и Сына»* (1 Иоан. 2, 22) (ср. 1 Кор. 12, 3)...

Для всякаго должно быть ясно, что молитвы о нераскаянномъ хулителѣ Духа Святаго—графъ Толстомъ и бесполезны (грѣхъ этотъ, по слову Господню, никогда «не отпустится»), и недозволительны (припомните приведенныя слова св. Ап. Иоанна Богослова)... Въ «хулѣ на Духа Святаго» «предполагается самое глубокое паденіе человѣка, изъ котораго не можетъ вывести самая благодать Божія, потому что она въ такомъ хуленіи отрицается. Человѣческій духъ, произносящій такую хулу, становится на одну степень съ нечистымъ духомъ»..., «вина котораго никогда не будетъ прощена» (цитов. 8-й т. *«Толк. Библ.»*, стр. 237)...

Все ясно... для христіанина, руководствующагося словомъ Божіимъ, а не вѣяніемъ вѣтра, не желаніемъ угодить лукавому роду сему..., пріобрѣсти славу у изолгавшейся, у извѣрившейся во все «интеллигенціи»... «На запросъ правды Церковь не смогла пока отвѣтить», — пишетъ А. В. Карташевъ. Нѣтъ,—скажу я,—Церковь давно уже отвѣтила, и отвѣтъ ея всецѣло удовлетворилъ всякаго православнаго христіанина. Отвѣтила, послѣ долготерпѣливаго ожиданія обращенія грѣшника, и въ 1901 г., и, по смерти нераскаяннаго, въ 1910 г. Никакіе другіе отвѣты болѣе не нужны. И еслибъ она отвѣтила иначе, то соблазнила бы вѣрующихъ..., угождая безбожни-

камъ и притворяющимся христіанами лицамъ, совершенно равнодушнымъ ко Христу и Его святой Церкви,—совершенно равнодушнымъ..., что бы они тамъ ни пѣли и какія бы сладкія рѣчи ни разводили...

Я преклоняюсь предъ рѣшеніемъ нашей святой Церкви и нахожу его мудрымъ, единственно правильнымъ. Да,—настоячиво скажу, — Толстой — богохульникъ долженъ былъ подвергнуться отлученію отъ общенія съ Церковію и затѣмъ долженъ былъ быть лишенъ церковнаго погребенія. Иначе и быть не могло. Иначе могутъ думать только лица, столь же богословски просвѣщенные, сколь освѣдомлена въ христіанской области, напр., вдова Толстого, въ свое время написавшая преудивительное письмо митрополиту Антонію (отъ 26 февр. 1901 г.)... Но съ такими лицами толковать уже совершенно бесполезно. И моя статья рассчитана, конечно, не на подобныхъ безнадежныхъ читателей...

Я высказалъ свой взглядъ ясно и опредѣленно. Стою на немъ безусловно твердо. Сбить меня съ позиціи не удастся никому. Все мною продумано, прочувствовано, провѣрено, взвѣшено... Даже цѣлыя бочки помоевъ, какія могутъ вылить на меня въ настоящемъ случаѣ «извѣстнаго» сорта господа, стоящіе за свободу убѣжденій и блюдущіе (?) ее...,—меня не смутятъ. Мои личныя убѣжденія для меня всего дороже, и я не продамъ ихъ и за всѣ «сребреники» Іудовы...

Профессоръ А. Бронзовъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки